

Григорий Померанц

Продолжение темы Левиафана

Чувство тревоги, сдержанно выраженное Карло Гинцбургом, продолжает захватывать людей, и мне захотелось ответить еще на один взволнованный голос, на письмо молодого человека, 27 лет, выросшего в Алуште и сейчас студента одного из Канадских университетов. Зовут его Слава. Больше он о себе не сообщил. Его характеристика современности поражает своей яркостью.

«... бегло изложу свое понимание сегодняшнего дня. Мы не смогли объединиться в истине – объединились при помощи интернета; мы не смогли мыслить глобально – получили глобальные экологические проблемы, и что делать с этим – большой вопрос, т.е. если раньше люди находили какие-то лазейки, то это благодаря тому, что, помимо творческой энергии, хватало физического пространства и природных ресурсов. Не преувеличу, сказав, что сегодня все люди скопились в одной большой камере смерти, и исполнение приговора – лишь вопрос времени; для этого даже палач не нужен, мы уже потихоньку захлёбываемся в собственных

нечистотах. Единственный плюс – мы все-таки объединились, и многие остро осознают, что дороги назад нет, а если и есть, то – Дорога Назад, осознание своих ошибок и возвращение к своим истокам, т.е. единственный способ избежать казни – казниться самим и начать с чистого листа».

Я подчеркнул то, что оставляет некоторую надежду. Однако Слава говорит о грядущей катастрофе только один раз. Юношеское мышление идет взрывами, и следующий замечательный фрагмент оставляет современность в стороне. Это история мировых религий, взятых как одно целое. 2,5 – 3 тысячи лет вмещаются в притчу о перстне. Драгоценный камень личного религиозного опыта сверкает в оправе традиции, но со временем алмаз выветривается; остается пустая оправка, вокруг которой блещут отдельные камешки нового религиозного опыта. Эти случайные проблески не оставляют места для вопроса, куда мировая традиция ведет. Спокойное течение обобщенного духовного потока не стыкуется с современностью, стоящей перед пропастью; каждое существует в мысли само по себе.

Прекрасная метафора о перстне упускает несколько вещей. Первая – это богатейшее развитие всех оттенков светской культуры у греков и римлян.

Развитие, отодвинувшее религию на задний план – и в конце концов упершееся в пустоту.

Вторая вещь – то, что всё ограничено рамками Средиземноморья и прилегающих к нему земель. Индия и Китай ни во взлетах, ни в падении классической древности не участвуют. Они жили своей жизнью, менее динамичной и более стабильной. Отделённые друг от друга горами и океанами, они сохранили нечто от устойчивости племенной культуры. После кризиса в правление Цинь Шихуанди обломки старины были заново слеплены конфуцианцами и обеспечили устойчивость Китая еще на две тысячи лет. В Индии никакой ломки вообще не было, был только диалог буддизма с индуизмом. Традицию пытались ломать мусульмане, но захватили – одни только окраины. Центр Индостана сохранил свой характер и во всей своей полноте вступил в глобальную культуру XX века, стянутую новой техникой информации и связи.

Третье: на Западе светская культура, очнувшись в эпоху Возрождения, снова стала выдвигаться на первое место и рассыпалась на десятки и сотни направлений. Этот разброс она распространила на весь земной шар. Слава не заметил аналогии между

античной и новой светскостью, победившей к концу XVIII века.

Поток революций, начиная с Промышленной, разлился на Азию, Африку, Америку и Австралию и после ослепительных успехов упирается в ту же духовную пустоту, в которой задохнулся Рим. Экологический кризис захватил весь глобус и в близком будущем грозит всей биосфере. Меры ограничения, задуманные Гоббсом, скорее всего, начнут вводиться. Но встанет вопрос, как люди компенсируют отказ от внешней свободы ростом свободы внутренней. И здесь не исключено творческое участие Запада, в самом широком смысле, включая всю христианскую культуру.

Попробуем теперь нарисовать утопию глобальной цивилизации, вышедшей из кризиса. Она по-монастырски аскетична. Она по китайскому примеру ограничивает рождаемость. Но она как-то компенсирует человека за его потери; она ищет радости, как князь Мышкин: «разве можно видеть дерево и не быть счастливым!» Деревьев стало меньше, но и людей меньше. Созерцание уцелевших рощ становится общей привычкой, так же как украшение жилищ репродукциями великих созданий живописи (современная техника репродукции здесь

многое позволяет); и диски дают слушать у себя дома музыку, которая раньше была доступна только в консерватории. Творческое меньшинство помогает детям и подросткам создавать в своей душе колодцы глубины, в которых я находил отраду и в камерах Лубянки, и в Каргопольлаге.

Я узнал на собственном опыте, как трудно развить в себе способность воспринимать Баха, Рембрандта, Рублева, Го Си, Сэсю. Но трудно только начать, и трудности иногда форсируют энергию. Именно в камере без окна я с глубоким вдохновением прочел Пришвина и научился у него видеть природу; и именно в лагере при температуре -35° , я часами ходил между бараками, где люди жались к печке, и слушал с начала до конца симфонии, которые прежде бросал, недослушав, теряя понимание; они, кстати, очень хорошо передаются рупорами на морозе.

Один из величайших духовных лидеров современности, Экхарт Толле, убежден, что творческий рост личности сильнее сил распада. Он опирается на свой личный опыт. Но как поведет себя общество, трудно предвидеть. Я надеюсь, что в критическом положении энергия творческого меньшинства вырастет. Но хватит ли сил увлечь большинство?

Современное образование близоруко и смотрит вперед на 3–5 лет, а надо – на пятьдесят и еще больше. Надо думать о тех узких вратах, которые ждут нас отнюдь не в далекой, неизмеримой дали. Время незаметно движется, и ограничения на пресную воду и т.п. не должны нас оглушить. Перенеся центр жизни в духовные глубины, легче согласиться на дисциплину потребления, подобную монастырской. Задача образования – разнести эту систему ценностей на все слои народа.

Непременно будут трудности с разными заповедями и догмами, с различиями людских типов. Л.Г.Пинский делил библейские типы на три пары противоположностей. Можно найти такие пары и в русском народе: Савельич и Пугачев в «Капитанской дочке», Платон Каратаев и Тихон Щербатый в «Войне и мире». Однако народные характеры бывают текучими. В повести «Дубровский» один из дворовых спасает из огня кота, но приказных оставляет гореть в запертом доме. Поведение не укладывается в простой тип, оно может быть неожиданным.

Достоевский, рисуя четырех сыновей Федора Павловича, показывает каждого в нестандартном повороте. С особенной любовью он раскрывает душу Мити, который в первых сценах может отталкивать. И

вот все четверо стоят перед узкими воротами в новую Россию. Правильно, в соответствии с типом, почти всегда ведет себя Алеша. Трое других нас удивляют: Иван беседует с чертом, Смердяков, разуверившись в Иване, вешается, а Митя переменчив, как Протей.

В последний период войны я узнавал Митю во многих офицерах, безумно храбрых и немного пьяных; взявши Берлин, они безобразничают, а потом искренне и глубоко каются. Это самый реалистический герой романа – и самый непредсказуемый.

Есть очень мало людей, способных найти свое место на сжавшейся земле. Кто-то готов к преобразению. Но не задушит ли его толпа?

Впрочем, даже растоптанное меньшинство останется в памяти Бога и где-то всплывет во времени. Сколько будет длиться культура, в которой мы живем, – вопрос, который в бесконечности теряет смысл. И для тех, кто не выходит из глубины, это так же неважно: важно быть самими собой, быть до конца верными своим святыням. Но мы живем не только в прикосновениях вечности. Мы живем и во времени. И во времени остается вопрос: что делать? Оставляю его слушателям.